

Апрель 1861

Австрийские дела. — Великодушие Кавура над Гарибальди. —
Объявление войны в Северной Америке.

Консервативные люди справедливо скорбят о непрочности нынешнего положения дел на континенте Западной Европы. Куда ни посмотришь, там повсюду путаница, которая так и напрашивается на то, чтоб ее хоть как-нибудь распутали. А главный узел этой путаницы теперь в Австрии. О, если бы восстановился в Австрии порядок! Тогда надолго была бы отвращена опасность и от других стран западного континента. Австрийцы не замедлили бы убедить императора французов, чтоб он или сам потрудился внушить благоразумие итальянцам, или разрешил бы им, австрийцам, похлопотать над этим. А когда бы зловредная язва революции была бы покрыта струпом в Италии, этот поучительный пример на несколько лет отнял бы охоту к зловерным помыслам и в других западных странах, где безумные надежды легкомысленных прогрессистов возбуждаются успехами итальянцев. К сожалению, внутренняя неурядица заставляет австрийцев с месяца на месяц откладывать дело устроения итальянцев. Каждые две недели, если не чаще, разносится слух, что вот-вот идут австрийцы в Ломбардию и в Романью, — и недаром разносится слух: желание действительно есть, но обстоятельства все мешают каждый раз. В конце октября Бенедек назначили главнокомандующим в Венецию, с намерением немедленно начать войну, — оказалось, еще нельзя; недели через две, через три, осматривая свои войска и крепости, Бенедек опять объявил, что вот не ныне — завтра начнется поход, — опять вышло, что еще нельзя. А почему еще нельзя? Всё венгры мешают, и в последней своей прокламации Бенедек (сам венгерец) указывает войску уже не одного врага, как прежде, а двух — кроме нынешнего, еще и внутреннего: мы с вами (говорит он своим солдатам) готовы, если понадобится, усмирить пештских бунтовщиков. Если бы говорил это князь Лихтенштейн¹ или князь

Виндишгрец, можно бы еще сомневаться, достойны ли наказания венгерские либералы: ведь человек одного племени не судья в делах другого племени, и лучше всего каждому поступать по нашему примеру: не судить о делах других народов, не навязывать им своих мыслей, а предоставить всякому из них быть там себе, как сам хочет. Читатель знает, как ненарушимо держимся мы этого правила. Но ведь Бенедек сам венгерец, — значит, может судить, что хорошо, а что дурно у венгров и для венгров. Это не то, что мы только так заключаем: он сам говорил, когда был в Пеште, и теперь говорит, находясь уже не в Пеште, что очень горячо жаелаёт добра венграм и готов пецишь о них, как родной отец. Значит, мы тут сами от себя ничего не придумываем и ни о чем не судим, а только основываемся на словах Бенедека. С его справедливой точки зрения мы и будем смотреть на дела.

Приятно сказать нам, что Шмерлинг совершенно сходится во взгляде с Бенедекком и с нами (если дозволительно упомянуть нам о себе подле этих сильных имен). Приятно по многим обстоятельствам. Во-первых, потому, что оправдывается этим наш лестный отзыв о Шмерлинге, сделанный при самом назначении его в министры, когда легкомысленные люди прокричали было о нем бог знает сколько пустяков. Мы предсказывали, что он будет вести себя прилично получаемому назначению, — он так и держит себя. Это приятно. Во-вторых, приятно, что благомыслящие люди все сходятся между собою во взгляде, к какой бы нации ни принадлежали. Шмерлинг — немец, Бенедек — венгерец, а думают о венгерском вопросе они одинаково. В-третьих, приятно сознавать, что сам, хотя и неважный человек, принадлежишь по образу мыслей к лицам, высоко поставленным судьбою, и что они похвалили бы тебя, если бы знали, как глубоко входишь ты в их чувства, как верно оцениваешь их положение, какую справедливость отдаешь им, как искренно убежден, что они действуют совершенно согласно сознаваемым ими высоким обязанностям. (Правда, примешивается тут и небольшое огорчение, что они не знают тебя и твоего образа мыслей, — да, не знают, что есть на свете Петр Иванович Добчинский².) Но это все в сторону; размышления наши привязаны к тому факту, что в начале апреля происходил в Австрии министерский кризис. Сечен, Вай и сотоварищ их по участию в австрийском правительстве Аппони, который должен был открывать венгерский сейм в звании императорско-королевского комиссара, находили, что надобно льстить беспокойным венграм хотя некоторыми обещаниями, хотя несколько подходящими к некоторой части их желаний. Шмерлинг доказывал, что делать это — значит потакать злоумышленникам. Он был прав. К чему в самом деле обещать то, что не будет исполнено. Это первое. А второе: к чему видимым колебанием ободрять преступные надежды, против которых имеешь в сердце непреклонную решимость? Наконец, в-третьих:

всегда всего благороднее действовать начистоту и говорить начистоту: да, так да, и уж без всяких затаенных мыслей; а если нельзя сказать такого «да», то уж и говори прямо «нет». Но вполне оправдывая Шмерлинга, мы вполне оправдываем и барона Вая с графом Аппони, хотя по Шмерлингу выходит, что Вай губит государство, а по Ваю выходит, что Шмерлинг губит государство. Мы же думаем, что и Шмерлинг и Вай в равной мере полезны спасению государства. Мы решаемся думать это собственно потому, что в сущности и сами они так думают друг о друге. Они только погорячились тогда, что наговорили друг против друга резких вещей (что ж, человеческая слабость!). А ведь кончилось тем, что остались и Шмерлинг и Вай вместе управлять делами. Но ведь это уж развязка кризиса, а мы только коснулись еще начала его. Император признал уважительными доводы Вая, Сечена и Аппони. Шмерлинг с другими министрами, разделявшими его взгляд, подал в отставку или хотел подать в отставку. Но лица высшего придворного круга, руководящие делами в Австрии, выказали тут высокое благоразумие, соответствующее их положению и оправдывающее тот вес, какой предоставляется им в государстве: они показали, что превосходят министров своей проницательностью; они объяснили Шмерлингу с его товарищами, что при наступлении надлежащей поры он увидит исполнение своих желаний и ему будет указано принять относительно Венгрии меры, от которых прекратятся нынешние беспорядки; но что теперь пока еще надобно несколько выждать, пока будут кончены приготовления к таким мерам. Шмерлинг взял назад свою просьбу об отставке, увидев, что все ведется к лучшему и что мнимое колебание императора есть только благоразумная осмотрительность, под которою лежит твердость, долженствующая обнаружиться, когда придет желаемая минута возможности подавить мятежный дух. Итак, венгерский сейм был открыт согласно программе Вая, Сечена и Аппони.

Перейдем теперь в Пешт. На выборах обнаружилось, что крайняя партия приобрела решительный перевес в венгерском народе. Огромное большинство депутатов принадлежит ей. И не в одной палате депутатов, служащей представительницей среднего сословия и простонародья, выразилось такое настроение умов: между самими магнатами, составляющими наследственную верхнюю палату, большинство точно таково же. Это явление прискорбное, — прискорбное до того, что мы не хотели бы ему верить. К несчастью, в так называемых национальных вопросах, — вопросах, чреватых вредом для благоустроенных государств и порожденных только коварством анархистов, прикрывающих себя маскою патриотизма, — в этих так называемых и мнимых вопросах о национальной независимости и тому подобных мечтаниях исчезает сослов-

ная разница интересов, и, например, венгерский магнат не стыдится подавать руку поселянину; поселянин же, благодетельствованный австрийским правительством, бессовестно забывает всякую признательность к благодетельной власти, по наущению магната. Надобно отдать честь постоянному усердию австрийского правительства о предотвращении столь странного единомыслия; но семена падали на каменистую почву, как теперь оказывается, и не приносят желанного плода. Все сословия венгерской нации одинаково проникнуты мечтаниями.

Читатель знает, что для удержания сейма в границах умеренности венское министерство постановило, чтобы он заседал не в городе Пеште, а в крепости Офене или по-венгерски Буде, лежащей на другом берегу Дуная, против Пешта. Венгры говорили, что не допустят этого. Злонамеренность толпы довела и депутатов до такой наглости, что на предварительных совещаниях в Пеште огромное большинство их объявило решимость не показываться в Офен, хотя снисходительное правительство уже сказало, что только церемония открытия сейма будет исполнена в Офене и тотчас же разрешено будет сейму перенести свои заседания в Пешт. Нельзя не похвалить тут Деака-Этвеша (нынче уже так и пишут их обоих подряд, будто одного человека, за их примерную политическую дружбу: не знаем только осуществится ли на них мечта Манилова, как начальство, узнав о дружбе его и Чичикова, наградит их за это примерное чувство³), которые мужественно объявили (или который мужественно объявил, — не знаем, как правильнее выразиться), что пойдет в Офен хотя бы один. Он сдержал свое слово, но слишком немногие последовали его примеру. Итак, церемония открытия происходила в зале, почти пустой. Но что же? И тут, в малочисленной среде людей умереннейших, где и следовало бы ожидать благонамереннейших, обнаружилась стропотливость, и притом еще именно в палате магнатов, которым следовало бы держать себя приличнее. Как только кончил Аппони свою речь, временный президент палаты магнатов граф Эстергази, седовласый старец, приветствовав возобновление законной законодательной власти, перешел к тому, что горесть овладевает им: не увидят магнаты среди себя благороднейшего своего собрата, который убит врагами Венгрии за любовь к отечеству. Он говорил о Людвиге Батиани, казненном за измену в 1849 году. Отчаиваешься в людях, когда видишь, что даже и старцами овладевает такая преступная мечтательность.

При такой закоснелости палаты магнатов, чего можно было ожидать от палаты депутатов? После церемонии открытия заседания были перенесены в Пешт, и только тут наполнились залы палат. Деак-Этвеш вздумал было склонить своих товарищей, депутатов, к соблюдению официального приличия, — предложил им

вотировать адрес к императору. Предводитель решительной партии Телеки⁴, отвечал, что в этом нет никакой надобности и что венское правительство может узнать чувства и требования венгров обыкновенным путем — из решений, какие будут приняты сеймом. Огромное большинство депутатов согласилось с Телеки. Да, в своем упорстве венгры доходят до забвения даже первых правил светского обращения. Вот, например, какой случай произошел в первые дни заседаний сейма (по рассказу венского корреспондента «Times'a»):

«Вена, 12 апреля.»

В первом заседании палаты магнатов венгерского сейма произошел случай, очень неприятно подействовавший в венских официальных кругах. Граф Форгач, служащий в австрийской армии полковником, явился на заседание в австрийском мундире. Граф Эммануэль Зичи потребовал, чтобы он удалился из зала. Граф Форгач ушел; но после заседания прислал к своему сочлену по палате магнатов капитана Немета с вызовом на дуэль. Граф Зичи сказал Немету, что поручил объяснение по этому делу графу Кеглевичу. Немец отправился к нему, и Кеглевич сказал, что его друг граф Зичи не может драться с графом Форгачем. Тогда был созван так называемый «суд чести» и также объявил, что граф Зичи не может драться с графом Форгачем, потому что «замарал бы себя» дуэлью с ним, а что граф Форгач не должен являться в палату магнатов, пока не успеет оправдать своих поступков в 1849 году, когда сражался в австрийских рядах. Граф Форгач немедленно уехал из Пешта. Из лиц, получивших сан венгерского магната от австрийского правительства после 1849 года, ни один и не пробова являться в палату магнатов».

Словом сказать, венгры упрямо хотят получить полную независимость от венского правительства и готовы отложиться от него в первую минуту, как только найдут возможность. Главную задержкою тут им служит, как мы говорили несколько раз, неизвестность, какую роль стали бы играть южно-австрийские славяне в случае войны между ними и австрийским правительством: если бы южные славяне решились сражаться против австрийцев, венгры тотчас взялись бы за оружие; довольно было бы для них, если бы южные славяне хотя стали сохранять нейтралитет. Но до последнего времени сильнее казался тот шанс, что южные славяне последовали бы тем венским внушениям, какими были увлечены к войне с венграми в 1848 году. Теперь как будто бы склоняется вероятность на другую сторону. Ни за что ручаться еще нельзя; но, по крайней мере, развивается и между сербами и между кроатами ожесточение против австрийцев.

Кроаты, то есть западная половина южно-венгерских славян, еще недавно были очень восстановлены против венгров тем, что Фиуме, итальянский город, лежащий на адриатическом берегу, выразил желание принадлежать к Венгерскому королевству, а не к Кроатскому, к которому теперь причисляется. Главная причина симпатии очевидна: венгры решительные враги венского правительства, следовательно фиумские итальянцы не могут не пред-

почитать их кроатам, пока кроаты колеблются. Но Фиуме отделен от собственно венгерской земли всею шириною Кроации. Читатель знает, что, в надежде противодействовать венгерскому сейму, австрийское правительство льстило разными обещаниями кроатским депутатам, собравшимся в Аграме. От имени «генеральной конгрегации аграмского комитета» был в начале марта разослан ко всем венгерским, трансильванским, сербским комитатам циркуляр, написанный языком, напоминавшим прежние годы ожесточенной вражды кроатов против венгров. Тут перечислялись жалобы на прежнее притеснение кроатов венграми, особенно говорилось, будто бы венгры и теперь хотят подавлять кроатскую национальность, и сильнее всего обвинялись венгры за фиумцев. Если б венгры имели такую же бестактность, возобновилась бы прежняя вражда. Но венгры понимают, что должны добиваться решительного примирения с кроатами, и на аграмский циркуляр отвечали, что готовы на все, чего хотят сами кроаты. Вот, например, отрывки из ответа, напечатанного Деаком:

«Циркуляр аграмского комитета написан с такою горечью, что производит впечатление, как будто его автор не желает дружеского соглашения между Венгрией и Кроацией. Аграмский писатель обвиняет Венгрию между прочим в том, что она желает отделить Фиуме от Кроации и принудить славян юго-восточных частей своих к употреблению венгерского языка. Фиуме принадлежал к Венгрии в течение целого столетия, и венгры не виноваты в том, что жители этого города желают принадлежать к Венгрии. Важнейшее обвинение против венгров то, которое относится к языку. В 1844 году (когда употребление латинского языка на венгерском сейме было отменено) кроатские депутаты предлагали, чтобы попрежнему продолжали употреблять на сейме латинский язык; но это было отвергнуто, и сейм постановил употреблять в своих прениях венгерский язык.

Если кроаты желают, продолжает Деак, закон 1844 года можно отменить. Венгерский сейм 1848 года желал относительно Военной кроатской границы того же самого, чего теперь требуют кроаты, желал, чтобы отменено было стеснительное и разорительное военное устройство этой земли и жители ее получили гражданские и политические права, которых лишены австрийским правительством. Аграмский циркуляр говорит, что венгры желали бы привести кроатов и другие племена в положение турецких подданных христиан; но законы 1848 года доказывают несправедливость этого обвинения». О том, каковы теперь чувства венгров относительно кроатов, Деак говорит:

«Присоединится или не присоединится Кроация к Венгрии, это зависит от самой Кроации. Если она пошлет депутатов на венский имперский совет, если она захочет предоставить свои военные, финансовые и коммерческие средства [произволу безответственного] австрийского министерства, соединение с Венгрией будет невозможно. Венгрия едва ли пошлет своих депутатов на имперский совет, потому что не расположена жертвовать своей законной независимостью. Но если Кроация желает быть независимой от венского министерства, то и без всяких переговоров Венгрия готова поддерживать ее».

Деак продолжает, что союз кроатов с венграми одинаково полезен для той и другой нации; но что если кроаты хотят остаться отдельными от венгров, венгры чужды всякой мысли

мешать им поступать, как угодно. Если в этом тоне говорит Деак, то, разумеется, еще гораздо сильнее высказывается большинством венгров желание предоставить кроатам полную свободу действий и не ссориться с ними ни за что и ни в каком случае. Эти уверения, надобно полагать, имели некоторое влияние на кроатов; но еще сильнее подействовала на них странная нерасчетливость самого австрийского правительства.

Кроатское племя делится по своему гражданскому положению на две половины: северная его полоса, называющаяся королевствами Далматским, Кроатским и Славонским, находится под гражданским управлением. Южная полоса составляет так называемую Военную границу, жители которой обязаны поголовной военною службою [и страшно] разорены этой повинностью, а сверх того, лишены всяких политических прав, будучи управляемы военною дисциплиною и в своей частной жизни. Северная половина кроатов, разумеется, сочувствует бедственному быту своих собратьев и просила через кроатского бана Сокчевича, чтобы император уничтожил прежнее изнурительное устройство Военной границы и сравнял жителей ее в правах и обязанностях с ними, с северными кроатами. Просьба была отвергнута. Вот из венской корреспонденции «Times'a» отрывок, относящийся к этому делу:

«Вена, 29 марта.

Общая конгрегация аграмского комитата страшно недовольна баном Сокчевичем⁵ за то, что он не настаивал на разрешении жителям Военной границы прислать депутатов на кроатский сейм; конгрегация объяснила ему, что не имеет к нему доверия. Говорят, это так раздражило Сокчевича, что он просил императора уволить его от должности бана. Кажется, что расположение умов в Кроации сильно изменилось в последнее время: кроаты говорят теперь, что не могут делать приготовлений к коронаванию императора в Аграме королем кроатским, славонским и далматским, пока не установят окончательно своих отношений к Венгрии. Жители Военной границы находятся под военным управлением, потому не имеют права подавать просьб; но они прислали в Аграм несколько адресов, в которых объясняют свое бедственное положение и просят изменить его. Вчера несколько австрийских генералов в разговоре уверяли меня, что жители Военной границы не должны жаловаться, потому что правительство печется за них. Предкам их даны были земли от правительства на условии защищать границу от турок, но теперь по два и по три батальона из каждого полка посылаются повсюду, где бы ни вела войну Австрия. В мирное время Военная граница ставит в армию до 45 000 человек, а в военное время до 100 000 человек (между тем как все население этих округов не простирается до 1 100 000 человек). Таким образом, целая десятая часть всего населения Военной границы уводится в солдаты при всякой австрийской войне».

Напрасно венское правительство отступило тут от обыкновенного правила: при нынешних трудных обстоятельствах расчетливее всего было бы дать кроатам обещание и принять некоторые полумеры, как будто бы в исполнение данного слова; а потом, когда затруднение минует, восстановить прежний порядок. А теперь говорят, что кроаты, раздраженные отказом, скло-

няются на сторону венгров. Такое же расположение обнаруживается и в восточной половине южно-австрийских славян, у сербов, населяющих Банат и Воеводину. Мы говорили, что сербскому патриарху Раяичичу, преданности и искусству которого обязаны были австрийцы в 1848 году ссорой сербов с венграми, поручено было теперь созвать сербский сейм с тою же целью. К сожалению, несмотря на всю усердную ловкость Раяичича, собравшиеся на сейм сербы нашли, что венграм они могут верить, а венскому министерству не могут — после того, что испытывали в последние 13 лет. Приводим отрывок из венской корреспонденции «Times'a»:

«Вена, 5 апреля.

На своих предварительных собраниях перед открытием венгерского сейма венгерские депутаты установили единодушную программу действий по некоторым важным вопросам. Между прочим они хотят провозгласить совершенное равенство славянского племени с мадьярским и уступать желаниям кроатов и славонцев. Политическое брожение в Воеводине так сильно, что венское правительство намерено раскаивается в своем согласии на созывании сербского национального конгресса. Представители сербского народа выражают чрезвычайное ожесточение против австрийской системы. Сербский конгресс назначил для рассмотрения представляющих ему вопросов комитет из 22 лиц и, к отчаянию патриарха Раяичича, придумавшего с австрийским правительством сербский конгресс, 19 человек из этих 22 лиц говорили в пользу соединения с Венгрией. В органе южно-австрийских славян, газете «Восток и Запад», мы читаем, что комитет сделает конгрессу следующие предложения:

1) Соединение с Венгрией во всевозможных случаях.
2) Венское министерство объявляется не имеющим власти в сербских делах.

3) Посылаются депутаты на венгерский сейм.

4) Воеводина объявляется частью Венгерского королевства.

Из числа трех членов комитета, противившихся этим предложениям и державших сторону австрийского правительства, один, Стоянович, 3 апреля был застрелен».

Видно, что раздражение против австрийцев очень сильно между сербами, когда в опасности между ними жизнь тех немногих, которые служат агентами венского правительства.

Итак, шансы отношений к южным славянам кажутся теперь решительно в пользу венгров. Но мы все-таки остережемся положительно предсказывать союз между ними в приближающемся столкновении венгров с австрийским правительством. Чехи, например, высказывают чувство преданности австрийскому императору, чего трудно было надеяться.

Читатель знает, что распределение избирательных округов в королевстве Богемском, по диплому 20 октября и органическим законам 26 февраля, было устроено так, что большинство депутатов на богемский сейм избирается немцами, которые, по официальной австрийской статистике, составляют лишь одну треть, а на самом деле гораздо меньшую долю населения Богемского королевства. Чешское огромное большинство имеет на сейме лишь четвертую часть голосов. Эта чешская партия ре-

шила признавать состав нынешнего сейма неправильным, закон, по которому он составлялся, неудовлетворительным, и Ригер, ее предводитель, предложил, чтобы сейм признал себя не имеющим права называться собранием представителей Богемского королевства и выбирать от имени этого королевства депутатов на имперский совет. Но, видя свое бессилие на сейме, чешская партия нашла нужным несколько смягчить это требование, и Ригер заменил прежнее свое предложение о совершенном отказе сейма от выборов на имперский совет предложением только отсрочить эти выборы. Однако и в этой смягченной форме протест чешской партии был так решителен, что, повидимому, следовало ожидать от чехов твердого сопротивления преобладанию венского правительства над чешскими национальными стремлениями. Вот окончательная форма, в какой сделано было предложение Ригера (переводим из «National-Zeitung»):

«Когда 18 апреля чешский сейм хотел приступить к выбору депутатов на имперский совет, Ригер представил следующее предложение:

«По соображению, что избирательный закон для чешского сейма не соответствует высочайше выраженному принципу: «равенство прав и равенство обязанностей для всех племен империи»; по соображению, что, согласно выраженной 20 октября 1860 года воле его величества, число представителей в имперском совете должно распределяться по населению и пространству провинции и количеству платимых ею налогов, а это невозможно на основании избирательного закона для сейма, из которого происходят депутаты имперского совета; наконец, по соображению, что хотя улучшение этого избирательного закона предоставлено сейму, но при искусственно созданных этим законом отношениях сейм не может исполнить этого иначе, как с трудом и после долгих прений, а быть может, и вовсе не в состоянии исполнить, и что искреннейшее желание сейма содействовать устройению сильной, справедливой ко всем национальностям всеавстрийской империи скорым совершением выборов в имперский совет, но не иначе, как на справедливом основании, — богемский сейм решает: 1) просить его величество, нашего императора и короля, преобразовать данный для нашего сейма избирательный закон собственною величайшею властью, по внутреннему его мудрости и в сообразности с высочайше выраженными справедливыми принципами. 2) Выбор депутатов на имперский сейм отложить до получения высочайшего ответа на эту просьбу».

После долгих прений сейм решил отвергнуть это предложение и немедленно произвести выбор депутатов в имперский совет.

Когда предложение Ригера было отвергнуто, он подал протест, подписанный 80 лицами из членов сейма. В протесте этом, написанном по-чешски, говорится, что правила избирательного закона для Богемии оставлены к невыгоде ее славянского населения и что всеми действиями богемского сейма доказывается, что члены славянского происхождения подавлены на сейме. В заключение своего протеста члены, его подписавшие, объявляют, однако, что они хотят единства Австрийской империи и потому вместе с другими членами будут участвовать в выборе депутатов на имперский сейм. Но они говорят, что предвидят торжество немецкого большинства и в этих выборах и потому заранее протестуют против их результатов».

Немецкое большинство сейма, разумеется, отвергло протест чешской партии. Но что же потом? Вероятно, чехи тверже прежнего убедились в коренном противоречии венского немецкого правительства с их желаниями? Вероятно, они стали говорить, по-

добно мадьярам, что не могут иметь ничего общего с венским министерством? Нет, такое подозрение оказалось гнусною клеветою на чехов. Когда один из немецких депутатов богемского сейма, Газе, вздумал высказать его, Ригер проникся негодованием на злонамеренное сомнение в преданности чехов австрийскому правительству и сказал следующее (опять переводим из «National-Zeitung»):

«Мы богемцы славянского языка, — это факт, о котором вы можете справиться в официальной статистике Чорнига; если вам угодно, это несчастье. Между нами есть люди, называющие это несчастьем. Но что же делать, мы уже созданы такими, и вы должны, господа, принимать нас такими, каковы мы есть. Согласившись в этом, мы хотим, чтобы с чешским племенем поступали точно так же, как со всеми другими. Мы не можем одобрить того, что нам даются такие правила выборов, по которым чешское племя искусственно ставится в меньшинство». Это одна сторона; а вот и другая. «Мы протестуем также против мнения, что мы не хотим Велико-Австрии (Grossösterreich); напротив, именно мы-то и хотим ее. Те, которые хотят разделить Австрию на две половины, — те малоавстрийцы, а не великоавстрийцы (sind Kleinösterreich und keine Grossösterreich). Мы хотим создать Австрию, в которой равноправны все народы и области, а не Австрию, разделенную на две половины. Мы должны создать раму, которая приходилась бы по всем и в которой части гармонически соединились бы с целым. Вот к чему мы стремимся; и мы протестуем против мнения, будто бы мы знаем только один герб Богемии. Мы знаем герб Австрии; знаем и герб королевства Богемского, которому никогда не изменим. Но герб королевства Богемского мы и не можем себе представить отдельно от герба всеавстрийского. Итак, господа, те, которые хотят отрезать герб королевства Богемского, противники наши и всегда останутся нашими противниками».

Вероятно, не лишним будет пояснить смысл терминов, употребляемых тут Ригером. Приверженцами всеавстрийской монархии (Gesamtmonarchie) называются люди, ставящие целью и нераздельность Австрийской империи выше всех национальных вопросов. Они же называются и великоавстрийцами (Grossösterreich) в противоположность малоавстрийцам (Kleinösterreich), которые соглашаются, чтобы Венгрия с Кроацией и Трансильванией имела управление, независимое от венского. Таким образом, Ригер, предводитель чешской партии, провозглашает, что чехи готовы на все для поддержания цельности Австрийской империи, что они преданы венскому правительству и не могут представить свою жизнь иначе, как в зависимости от Вены. Своею преданностью они спасли австрийское правительство в 1848 году, когда оно решилось усмирять восставшую Вену. Судя по словам Ригера, надобно думать, что с той поры они мало изменились. По диплому 20 октября и органическим законам 26 февраля, политическое значение провинциальных сеймов ограничивается единственно тем, что они выбирают членов в палату депутатов имперского совета; при таких избирательных законах, по которым, например, в Богемии большинство сейма составляют немцы, нельзя было опасаться, чтобы в члены этой палаты попало

много лиц, дурно расположенных к нынешней австрийской системе. И действительно, даже тот из провинциальных сеймов, в который всего больше попало либералов, сейм эрцгерцогства Нижне-Австрийского (то есть области, где находится Вена), избрал депутатами в имперский совет почти исключительно людей, преданных владычеству системы. Выборы других провинциальных сеймов были еще благонадежнее (разумеется, мы говорим о тех сеймах, которые послали депутатов в имперский совет; в провинциях, в которых, несмотря на искусные правила избирательного закона, сеймы оказались неблагорасположены, сеймы эти и не послали депутатов на имперский совет); следовательно, мы должны быть уверены, что палата депутатов имперского совета не будет служить затруднением для венского министерства. Но, кроме этой гарантии, которую приготовило себе правительство расчетливыми правилами избирательного закона, оно обеспечило себя хорошим составом «палаты господ», или верхней палаты. Заседать в ней назначены знатные сановники с таким пронизательным и осторожным разбором, что не дано это звание даже барону Гюбнеру, который (если помнит читатель) был министром по заключении Виллафранкского мира и уволен в отставку через несколько недель за то, что считал нужным сделать небольшие уступки тогдашнему общему недовольству. Кроме принцев императорского дома, архиепископов и других лиц, заседающих в палате господ по своим наследственным титулам или по должностям, членами ее назначены почти исключительно генералы, безусловно проникнутые мыслью о строжайшем поддержании порядка: Виндишгрец, Гиулай, Бенедек и проч.

Конечно, ограничиваясь скромной, но полезной ролью — соглашаться во всем с правительством, имперский совет не будет служить самостоятельной опорой для министерства; но имея в своем распоряжении многочисленную армию, оно и не нуждается ни в каких других опорах: оно хочет только, чтобы имперский совет не был ему стеснением. Цель эта вполне достигнута. Оно и действительно, дело зависит не от имперского сейма, а от того, каковы будут успехи армии в усмирении венгров.

Об Италии в нынешний раз почти нечего рассказывать. Появление Гарибальди в туринской палате, горячая речь его в защиту волонтеров, завоевавших Неаполь и разогнанных за вредный образ мыслей министрами, которым дали они прекраснейшую в Европе страну, которых возвысили они из министров второстепенного государства в министры новой великой европейской державы; решение туринской палаты, что Гарибальди с волонтерами, во-первых, кругом виноваты, во-вторых, ничего не значат, а Кавур и Фанти во всем правы и за все заслуживают признательность отечества, которое освободили и возвеличили не Гарибальди с волонтерами, а собственно они, Кавур и Фанти; снисходительность, с какою Кавур просил палату не слишком

сердиться на простяка Гарибальди, виноватого больше по неразумию, чем по злоумышленности; согласие палаты из уважения к Кавуру погладить по головке Гарибальди, уже достаточно наказанного; наконец, провозглашаемое газетами примирение великодушного Кавура с Гарибальди, — все это не больше как ряд эффектных сцен, которые не имеют никакого существенного значения для хода дел. Гарибальди и решительная партия все еще отлагают войну с Австрией не по решениям туринской палаты, не по надеждам на Кавура, а просто потому, что еще не успели приготовиться к нападению на австрийцев, и, главное, потому, что еще не пришла минута развязки венгерских дел.

А в Америке уже как будто начинается развязка. Новый президент, когда принял власть, нашел дела союзного правительства отлично обработанными в пользу отделившихся от Союза плантаторов. Союзное казначейство было пусто; союзные войска были уведены подальше от тех мест, где могли бы они мешать плантаторам, или остались без офицеров, перешедших на сторону отделившихся штатов; а между тем инсургенты, пользуясь покровительством прежнего союзного правительства, успели вполне организовать: деньги и оружие были переданы им их союзниками, министрами Буханана; они уже собрали довольно большую армию и, терроризуя преданное Союзу большинство населения в хлопчатобумажных штатах, уже начинали терроризовать Вирджинию и Северную Каролину, за которыми принуждены были бы отдаться инсургентам и другие пограничные невольнические штаты. При таком дурном положении дела надобно было Линкольну несколько повременить, пока успеет он подготовить средства, которых был совершенно лишен правительством своего предшественника. Потому-то все и носились слухи, что он колеблется между твердым образом действий и уступчивостью. Но в месяц новое правительство успело несколько приготовиться, и вот уже провозглашена война ⁶. Но это мы знаем теперь еще только из телеграфических депеш и должны подождать подробных известий, чтобы видеть, будет ли война серьезна, или инсургенты уже смиряются и покоряются: этот второй шанс был бы самый неудовлетворительный, потому что примирение ничего не решило бы. Для блага Северо-Американских Штатов, как мы говорили уже несколько раз, надобно желать или серьезной войны Севера с Югом, или совершенного признания отдельности нового плантаторского Союза от Северо-Американских Штатов, потому что в этом случае невольничество быстро стало бы исчезать в южных штатах мирным процессом, о котором приводили мы выписки из книги Эббота. Замазывание сущности дела неудовлетворительными ни для кого уступками ни к чему шутному не ведет. Нужно или то, чтобы мирно разошлись люди, которые не могут жить вместе, или чтобы они порешили между собою международным судом, войною, если не умеют разойтись мирно.